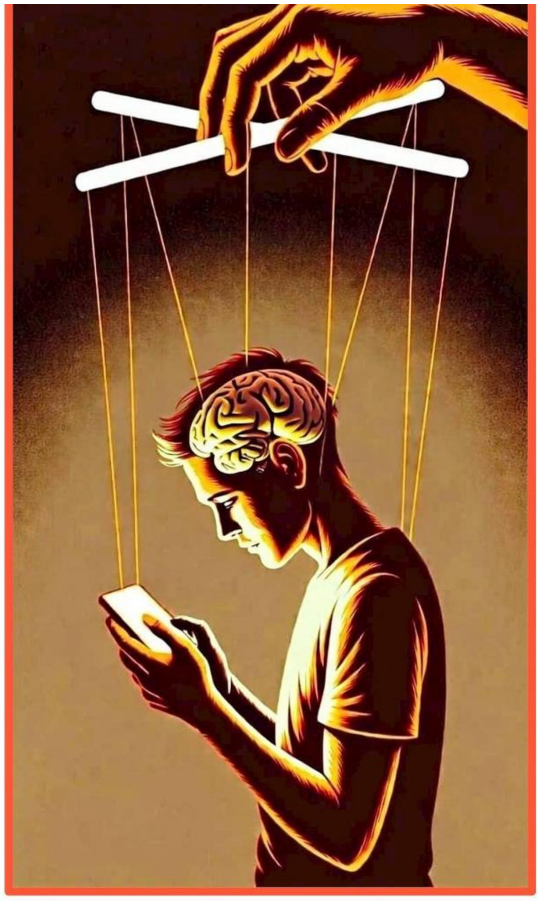

Иоффе М.А.

Болванка мозговая

Маргарита Иоффе
Болванка мозговая

https://litres.ru/74798797
SelfPub; 2026

Аннотация

10 глав — 10 кругов цифрового ада и один трудный путь наверх.

Сити-2 — безупречный цифровой загон Платформы Мага, где чужое внимание остаётся новой нефтью и чистым золотом. Обыватели здесь превратились в послушные фабричные заготовки — болванки мозговые, которые добровольно сдали приватность в обмен на комфорт. Они — люди-трава, ровный газон, над которым бесстрастно движется газонокосилка тотального контроля.

Топовый блогер Космос находился на самой вершине этого глянцевого конвейера, пока внезапный сбой не выбросил его на самое дно, в подвал жизни, на грязную, тяжелую стройку. Здесь, под руководством сурового старого географа, бывшему цифровому призраку предстоит месить реальный бетон, таскать кирпичи и заново учиться линейному мышлению. Это жесткая история о потере и обретении человеческого облика. Манифест о том, как из всех выросших в цифровом коконе персонажей только один нашел в себе скрытые силы вырваться и вернуть себе Лицо и стать Человеком. А ты не мясо?

Содержание

Глава 1. Золотой маринад или Космос на пике 4
Глава 2. Мир фальшивого счастья 11
Глава 3. Подвал жизни 16
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Маргарита Иоффе
Болванка мозговая

Глава 1. Золотой маринад или Космос на пике

— Вам какую песню спеть? Любовную или назидательную?

— Назидательную, такую назидательную, назидательную… Что вы, мне любовей не надо!
(Не по Шекспиру)

Космос проснулся в пентхаусе, который на самом деле ему не принадлежал. Каждое его движение бесстрастно фиксировали скрытые сенсоры. Он подошел к зеркалу, но вместо своего лица увидел значительно улучшенную версию. Встроенные в глаза Омни-линзы автоматически латали действительность. Эти склеральные устройства не просто корректировали зрение, они полностью подменяли реальность, дорисовывая Космосу воодушевляющий блеск в зрачках и стирая изъяны мира за окном.

Линзы услужливо сообщали, что его последний «кружочек» за ночь набрал два миллиона просмотров. Он не открывал глаз, наслаждаясь тем, как система вливает в него

первую порцию дофамина. Приятно чувствовать себя богом, чей Олимп питается напрямую от сети.

Его пентхаус в Сити-2 напоминал съёмочный павильон, где каждый предмет мебели стоял под нужным углом для кадра. Здесь не жили — здесь позировали. Космос подошел к панорамному окну. Город внизу тонул в плотной взвеси асфальтовой копоти и едких автомобильных выхлопов, но для него линзы рисовали иную картину — глянцевое, безупречное пространство, залитое вечным чистым солнцем и фальшивой зеленью парков.

— Привет, моя вселенная! — прошептал он в пустоту, и встроенные микрофоны тут же поймали его голос, очистив от утренней хрипоты до состояния бархатного сиропа. — Сегодня я проснулся с чувством, что мы с вами меняем этот мир. Спасибо за вашу любовь.

Он посмотрел на панель терминала. Индекс Космоса горел сочным цветом успеха. Десятки тысяч сообщений от восторженных поклонниц: «Космос, ты мой свет», «Ты научил меня верить в себя», «Как стать такой же успешной?».

Он не отвечал. Он свято чтил завет Магната: пастух не разговаривает со стадом, он просто позволяет овцам любоваться своим посохом в лучах заходящего солнца.

Космос чувствовал себя венцом творения. Он давно забыл, что пиджак Brioni взят в лизинг, а яхта на заднем плане вчерашнего фото — собственность холдинга. Он верил, что он и есть этот глянец, эта безупречная оболочка, в которой

нет места сомнениям.

Под этой фальшивой позолотой всё еще жила память. Космос, а тогда просто Костик, отлично помнил день своего падения в этот цифровой рай. Три года назад он, голодный и до предела измотанный жизнью, пришел в офис к Магнату. Именно тогда Костик неожиданно для самого себя начал превращаться в Космоса.

Хозяин платформы даже не соизволил поднять взгляд и лишь сухо поинтересовался, хочет ли парень прозябать в нищете или желает наконец начать сиять. Костян запнулся и невольно уставился на свои разбитые кроссовки. Он честно признался, что хочет работу и достойную плату, чтобы его просто заметили.

— Тогда забудь про свое лицо, — холодно отрезал Маг.

Он поднял на него глаза, и в этом взгляде Костик не увидел ничего, кроме усталого безразличия.

Маг заявил, что нынешнее лицо парня является ошибкой природы, а его имя звучит как приговор. Он пообещал сделать из него Космоса. Маг предупредил, что это будет больно, но в конечном итоге результат Костику понравится. Так началась пересборка.

— Сними это, — Магнат брезгливо указал на старую куртку Костика. — И это имя тоже сними. Костя… Такое имя подходит для того, кто стоит в очереди за дешевым гамбургером. Оно не резонирует с частотой системы.

Магнат подошел к огромной голографической панели, где

медленно вращалась трехмерная модель головы Костика.

— Мы добавим два миллиметра в скулы, — он двигал пальцами по воздуху, и лицо на панели менялось. — Мы уберем эту складку у рта, она выдает в тебе сомнение. А сомнение — это яд для потребителя. Глаза… сделаем их чуть более греческими. Насыщенный рекламный синий, как искусственное небо над Ираклионом, которого ты никогда не видел, но о котором будешь врать так, что сам поверишь.

— А как же… мои друзья? Мама? — робко спросил Костик. — И вообще-то я был в Греции, в Ираклионе. Правда давно, но был.

Магнат замер. Он посмотрел на него так, как смотрят на неисправный микрофон.

— Что ж, тем лучше для тебя. Лишняя крупица правды сделает ложь достоверней, — тихо, почти ласково произнес он. — Но пойми одну вещь, Костя. Прошлое — это балласт. У Кости нет друзей, у него есть только собутыльники по несчастью. У Кости нет матери, у него есть только социальная обуза, тянущая его на дно. Если хочешь быть со мной, ты должен стать другим. Отныне ты — Космос. Одинокая, сияющая звезда для миллионов потребителей. Твоя легенда готова: ты плод любви европейского дипломата и греческой аристократки. Ты — воплощение несбыточной мечты каждой девчонки в этой стране. С этой минуты я твой Куратор.

Той же ночью Костику вживили первый нейрочип за правым ухом. Операция была быстрой, как укус змеи.

Первое ощущение вышло ошеломляющим: мир вокруг внезапно подкрутили по яркости и контрасту. Костик перестал замечать паутину трещин на асфальте и грязь на своих стоптанных кроссовках. Линзы-импланты услужливо закрашивали убожество реальности глянцевыми фильтрами.

Но вслед за этим пришел настоящий испуг, который быстро сменился блаженным штилем. Парень перестал чувствовать стыд. Система опознавала эти импульсы как вредоносный шум и мгновенно блокировала их, впрыскивая в кровь дозу высокомерия. Он больше не был нищим парнем из очереди, он превратился в божество, которое просто снизошло до этого мира.

Он вышел из офиса Куратора уже не человеком, а обновленным софтом в человеческой оболочке. Костик смотрел на прохожих и больше не видел в них людей, воспринимая толпу как безликий трафик и массу пикселей. Над головами прохожих в дополненной реальности линз всплывали цифры социальных рейтингов, жалкие и ничтожные. Он теперь возвышался над ними. Он стал Космосом. Он — сияющая вселенная!

Свой первый статусный кофе он купил как священный артефакт. Сфотографировал под нужным, выверенным углом, чтобы тень ложилась максимально дорого, и выложил первый «кружочек».

— Привет, мир… — произнес он чужим, бархатным голосом, который Магнат сконструировал в звуковом редакто-

ре, вырезав из него всё настоящее. — Я пришел, чтобы научить вас сиять.

Система отозвалась мгновенно: миллионом лайков, похожих на электрические разряды. Это был первый раз, когда Костик по-настоящему почувствовал вкус маринада. Ему было так приторно-сладко, что он не заметил, как его собственное «я» начало захлёбываться в этом идеальном скафандре. В том упоении он не понял главного — он только что совершил идеальное убийство, зарезав в себе человека.

Куратор не просто подарил ему имя, он вкатил ему мощный наркоз, чтобы парень не дергался, пока его тушу перемалывают в фарш ради прибыли Платформы.

Магнат лично, с азартом мясника-эстета, высекал на виртуальном макете форму носа и плел кружева легенды про греческих аристократов. Он дрессировал его улыбаться так, чтобы это выглядело искренне, оставаясь при этом сухим расчетом.

— Помни, Космос, — чеканил Магнат, — ты не личность. Ты — интерфейс. Если ты начнешь чувствовать по-настоящему, система выдаст ошибку, и ты сломаешься. Будь безупречной витриной, в которой эти овцы увидят свои розовые сны.

И Космос старался, вытравливая из себя прежнее «я» слой за слоем, как ржавчину. Он научился презирать толпу, из которой сам только что выбрался, став образцовым товаром на витрине Магната.

В воздухе расцвела голограмма. Идеальный самец: скулы, высеченные лазерным ножом, взгляд, обещающий легкую жизнь, и аура успеха, которую, казалось, можно потрогать пальцами.

— Вот это — работа! — Магнат самодовольно прищурился. — С этой секунды это ты. Мы внедрим тебе чип-подсказчик, наложим вечный фильтр на все эфиры. Ты будешь нести ту чушь, которую я напишу, и жить там, где я прикажу.

— А что будет с Костиком? — в последний раз тихо пискнуло внутри него.

— Он исчез, забудь. Его аккаунты зачищены, след стерт, как плевок на асфальте. Ты продал мне право на свое прошлое, а за это я выпишу тебе чек на иллюзию будущего. Твое имя — это торговая марка. Система выжигает твою старую личность, чтобы воткнуть на её место прибыльный бренд. Продавая имя, ты добровольно идешь на лоботомию разума ради блестящей обертки. Готов?

— Всегда готов! — ответил Космос, и линзы в его глазах вспыхнули ярко-зеленым светом подтвержденной транзакции.

Глава 2. Мир фальшивого счастья

Космос проснулся в знакомом мире арендованного комфорта, где каждый его шорох педантично протоколировали датчики, превращая жилье в витрину с ценным лотом. Подойдя к зеркалу, он вновь столкнулся с привычным обманом — вместо изможденного лица на него глядела отполированная цифровая копия. Омни-линзы трудились без пауз, в режиме реального времени корректируя несовершенства бытия. Эти высокотехнологичные оболочки не просто улучшали зрение, они вытесняли подлинную среду, заливая зрачки фальшивым восторгом и старательно затирая трещины на домах за окном, чтобы превратить будничный хаос в глянцевый макет.

Его рабочий день начинался не с кофе, а с ритуального жертвоприношения правды, непрерывной трансляции «Магии утра». Пока Космос натягивал на лицо маску успеха, миллионы болванок в своих бетонных сотах просыпались под мерзкий писк уведомлений. Они вскакивали в тесных, пропахших вчерашним ужином квартирках, чтобы получить дозу света от своего кумира.

— Доброе утро, мои сияющие! — пропел он в объектив терминала.

Нейросеть в реальном времени подхватила его усталый, едва ли не судорожный оскал, превращая его в сияющую, бо-

жественную улыбку, от которой веяло свежестью и миллиардами на счету.

— Сегодня я выбираю радость. А что выберете вы? — спросил он, глядя прямо в души своих фанаток, пока встроенный в чип стимулятор принудительно гасил его собственное желание завыть от этой мертвой пустоты, плоской и трафаретной жизни.

Пока Космос цедил в камеру патоку, бездушные алгоритмы Мага с лязгом пересчитывали прибыль. Стоило кумиру моргнуть, как под его постом ядовитым грибом всплывала реклама: «Хочешь проснуться так же? Возьми этот девайс в кредит и стань частью легенды!». Космос физически ощущал, как его жизнь пропитывается этим вязким, липким маринадом, в котором консервируют лишь для того, чтобы выгоднее выставить на витрину.

Он тянул из фужера мутную шипучку, которая на вкус отдавала химией, и тискал моделей, чьи лица были взяты напрокат у той же Системы. Он мнил себя пастухом, триумфально ведущим овец к кассам, но в упор не замечал, что сам томится в клетке, обклеенной золотой фольгой, с датчиками на каждом суставе.

Прозрение вышло внезапно и горько: вся эта машина жиреет на искусственно раздутом голоде по нормальной жизни. И Космос оставался просто блестящим, филигранно выточенным крючком. Его задача была проста — сделать будни людей тошными, чтобы они без памяти летели на свет

его фальшивой позолоты, пытаясь откупиться от убожества покупкой новых побрякушек. Система наживалась на искусственно созданном дефиците счастья, а Космос служил золотой наживкой, инструментом, превращающим реальность людей в беспросветное болото, чтобы они искали спасения в бесконечном потреблении иллюзий.

Так человек сменил кожу. Магнат не просто выдал ему имя, он натянул на него чужую жизнь, как узкий гидрокостюм. Костя отлично помнил, как Куратор бесшумно мерил шагами кабинет, чеканя слова: «Твое прошлое — это скучная обыденность и приземленность. А нам нужно, чтобы ты парил. Космос… Звучит как шелк, как дорогое вино, как мечта, которую нельзя потрогать, но за которую хочется отдать последние деньги».

В тот же день Костю подвергли цифровой кастрации. Нейросети Магната полностью вытравили из сети его затрапезный техникум, дворовые драки на окраинах и вечно усталую мать-одиночку. Вместо этой правды в облачные базы залили премиум-пакет: закрытые школы, каникулы среди античных руин и породистые гены. В сетчатку вживили импланты. С той самой минуты вместо прежнего замученного парня в виртуальной панели отражался лощеный победитель. Система намертво зафиксировала его взгляд, закрашивая страх фальшивым коммерческим блеском.

— Твоя миссия отныне — доить чужую никчемность, — поучал Куратор. — Ты обязан вызывать у этого стада востор-

женный стон и жгучую тошноту от их собственной жалкой жизни. Пока они пускают слюни на Космоса, они в нашей узде. Они сметут с полок любое дерьмо, которое ты прорекламируешь, лишь бы хоть на микрон притереться к твоему сиянию.

И Космос заигрался. Он быстро понял, на что покупаются люди: на легкость, на безнаказанность, на поддельное золото и фальшивую реальность.

Он записывал «кружочки» из арендованных пентхаусов, где даже воздух был пропитан запахом успеха. Он учил людей дышать правильно, ловить мифические потоки и инвестировать в себя, хотя сам оставался всего лишь арендованным манекеном.

Костя исчез. На его месте остался Космос — идеальный инструмент Магната. Он превратился в тот самый золотой маринад, в котором система вымачивала мозги миллионов, подготавливая их к употреблению. Он мнил себя пастухом, но оставался просто самой нарядной овцой, которую вели на стрижку первой.

Космос лениво разглядывал безликий людской поток внизу, и в его памяти всплывали схемы технологического процесса, которые Куратор когда-то демонстрировал на закрытых лекциях. Система работала без сбоев. В дополненной реальности Сити-2 обыватели казались одинаковыми манекенами в безликой униформе, намертво прикованными взглядами к панелям своих гаджетов. Их открытые черепные ко-

робки напоминали пустые жестяные контейнеры, готовые к приему любого рафинированного суррогата. Из-за пределов видимого пространства невидимые руки алгоритмов без устали извлекали их живое мышление, выжимая остатки разума и заливая внутрь стандартизированный цифровой контент.

Происходило тотальное, принудительное промывание мозгов, превращающее толпу в послушных ведомых существ, начисто лишенных критического восприятия. Эти люди пребывали в глубоком цифровом трансе, физически оставаясь на асфальте, но ментально полностью исчезая из реальности. Человек окончательно превратился в продукт потребления с ампутированной индивидуальностью, чьими реакциями и кошельками Платформа управляла с помощью одного легкого клика.

Глава 3. Подвал жизни

— Привет, визионеры! — Космос оскалился в камеру, и алгоритм мгновенно отполировал его зубы до состояния холодного фарфорового блеска. — Сегодня мы ловим потоки. Говорим о том, как отцепить гири от ног и начать масштабировать свою свободу до размеров галактики. Посмотрите на этот горизонт…

Он вальяжно обвел рукой панорамное окно коворкинга, за которым расцветала галлюцинация. Алгоритм услужливо закрасил унылый туман и вечную стройку Сити-2, нарисовав вместо них фантастические ландшафты далеких миров. Космос вбил палец в кнопку «Отправить» и замер, гипнотизируя экран в ожидании лавины «огонечков».

В ту же секунду его прошило чувство острой, как зубная боль, никчемности. Он кожей чувствовал фальшь каждой буквы. Он знал, что стоит ему стянуть этот чужой пиджак и выйти за порог, как он снова превратится в Костика из облезлой двушки, где стены пропитаны запахом жареного лука, дешевого быта и отчаянной, беспросветной нищеты.

Система разевала пасть, требуя свежего корма. Машине нужна была новая порция его «успеха», чтобы скормить её тем, кто барахтался еще глубже в грязи. Он был матадором на арене, где разъяренным быком выступала его собственная звенящая пустота.

Внезапно терминал пискнул. Сообщение от «Элены. Дивы Света». Самой мутной инфлюенсерши сезона, чья загадочность подозрительно напоминала хорошо настроенный анонимайзер.

«Космос, я чувствую твою вибрацию. Нам нужно синхронизироваться. Приходи, если не боишься правды».

Навигатор, противно мигнув, выдал точку в новом торговом центре «Млечный путь».

— Секретный уровень, для избранных, — подумал он, глотая наживку.

Космос еще не знал, что это был первый системный сбой, та самая трещина, через которую в его вылизанный мир начнет затекать ядовитая реальность.

Небоскрёб «Млечный путь» давил на город своим величием, вгрызаясь в облака. Космос добросовестно намотал пару километров по его холлам, пахнущим дорогим парфюмом и достатком, но искомой точки не нашел. Он снова вывалился наружу, на тротуар, и пошел обходить этот бетонный небоскреб по периметру.

Где-то сбоку, за мусорными контейнерами, он обнаружил бетонную щель, лестницу, уходящую не просто в цоколь, а в самую преисподнюю здания. Спустившись на дно этого каменного колодца, он уперся в облезлую дверь.

— Элена? — позвал он.

Его голос, лишенный цифрового фильтра и бархатного эха, прозвучал в сыром воздухе жалко, как писк раздавлен-

ной мыши.

В углу, под единственной дешевой кольцевой лампой, сидела женщина. На экране она всегда казалась хрупким ангелом, парящим в облаках дорогого шелка. Здесь же, на колченогом стуле из копеечного пластика, сидела Лена. На ней была застиранная униформа клининговой службы, а волосы были стянуты в тугой, небрежный узел. За её спиной криво висел пыльный кусок зеленой ткани — тот самый хромакей, на который система натягивала дворцы и фальшивые панорамы.

Она подняла на него глаза. Лицо, лишенное фильтров, выдавало предельную, изнуряющую работу на износ: глубокие складки у рта и темные тени под глазами.

— О, припёрся-таки, — усмехнулась она, и эта усмешка полоснула его по самолюбию, как ржавый скальпель. — Ну что, Космос? Или мне называть тебя Костей? Я успела заглянуть в твои архивы, пока машина не сожрала твои хвосты окончательно.

Парень замер. Его пиджак от Brioni, стоивший как годовая зарплата уборщика, в этом тусклом склепе вдруг стал выглядеть жалкой тряпкой со свалки.

— Ты… ты не такая, как в сети, — пробормотал он, чувствуя, как внутри рушится привычная декорация.

Лена поднялась — медленно, наступая на него всем своим изможденным видом. Она подошла вплотную и с силой ткнула костлявым пальцем в его грудь, прямо туда, где под

дорогой тканью судорожно колотилось сердце Костика.

— А ты — такой же, как все. Приперся за магией, а наткнулся на вонючий подвал. Знаешь, кто ты на самом деле, Костя? Ты не инвестор. Ты не пророк. Ты — мясо. Самое обычное, сырое, парное мясо для Системы. Ты скармливаешь ей свои долги, своё время, свою кожу, лишь бы эта машина вливала тебе в глаза золотую жижу. Ты — дохлая батарейка, которая возомнила себя сверхновой!

Она рванула шнур, и единственная лампа погасла. Душный мрак мгновенно поглотил пространство. Только крошечный зрачок камеры продолжал подмигивать багровым светом, напоминая глаз циклопа, который сыто наблюдает за своей добычей в ловушке.

— Мы оба в этой мясорубке, — её шепот коснулся его уха. — Но я хотя бы чувствую вкус металла на языке. А ты до сих пор жрешь его и думаешь, что это клубничный смузи.

Она усмехнулась в темноте.

— Всё строчишь свои «кружочки»? Круг — это идеальная клетка. Ты сам запираешь себя в этот золотой кругляш, отрезая всё лишнее и выставляя на витрину лишь то, что одобрил Магнат. Ты сам сузил свой мир до размеров линзы.

Костя стоял неподвижно, когда его линзы истошно мигнули. Прямо перед глазами всплыла багровая надпись, предупреждающая о потере связи с сервером и аварийном переходе в аналоговый режим.

Золотая пыльца, украшавшая реальность, мгновенно осы-

палась прахом. Теперь он видел подвал без фильтров: щербатый бетон пола, голые стены в пятнах плесени и спертый воздух, пропитанный отчаянной нуждой. Женщина снова щелкнула выключателем, но зажгла не кольцевой свет, а голую лампочку, свисавшую на обрывке провода. Она раскачивалась, меча по углам уродливые, ломаные очертания.

— Почему мясо? — Костик попытался возмутиться, но голос его предательски сорвался на писк. Он вцепился в свой дорогущий терминал, как утопающий в спасательный круг, прикрывая им грудь, словно щитом от правды.

— Потому что Система не строит будущее, Костя, — Лена прислонилась к обшарпанному столу, на котором сиротливо белела пачка дешевого быстрорастворимого Доширака. — Она просто жрёт и переваривает настоящее. Твоё внимание, твои корявые надежды и липкие страхи — это просто калории для Машины. Ты вываливаешь свой очередной «кружочек», стадо заглатывает его, тратит пять минут своего времени, заливая твой успех слюнями зависти. В этот момент алгоритм высасывает из них остатки жизни, а из тебя — последние капли реальности. Думаешь, ты на этом зарабатываешь? Нет, парень, ты просто смазываешь шестерёнки Мага собственной кровью.

Она сделала шаг, вжимая его в сырой угол подвала, где пахло плесенью и глухой, беспросветной нуждой.

— Мы с тобой — фарш в этой мясорубке, Костя, — Лена нависла над ним, заставляя его отступать глубже в сырость.

— Только я хотя бы понимаю, где нахожусь. А ты — дешевая обрезь, слепо кормящая ненасытный Алгоритм. Ты думал, Система вынесет тебя к вершинам? Нет. Она заперла тебя в этот бетонный мешок и принудительно стирает твой разум, пока хозяева платформы пересчитывают барыши.

Она решила добить его окончательно, глядя прямо в его расширенные, лишенные Омни-линз зрачки.

— Твои клики и несбыточные мечты твоих дурочек конвертируются в реальные миллионы для тех, кто владеет этим облаком. Ты просто податливый, удобный материал, Костя. Материал, который сам выстраивается в очередь на переработку, лишь бы на финише на экранах отобразилось фальшивое сияние.

Костя замер, чувствуя, как весь его дутый успех окончательно осыпается прахом.

— Твой отец, небось, горбатился у станка, вытачивал детали, которые можно было пощупать руками, — продолжала Лена. — А что выдал ты за эти годы? Ты наплодил пустоту. И Система отсыпает тебе цифровые фантики, чтобы ты мог купить еще немного цветных снов.

Костя уставился на свои ладони. Идеальные, холеные, с вызывающе аккуратным маникюром, они казались ему чужими протезами, отлитыми из полупрозрачного силикона.

— Я просто… я хотел свободы, — выдохнул он, и это слово в сыром подвале прозвучало как издевательство.

— Свобода в сети — это всего лишь длина поводка, ко-

торый тебе милостиво отпустил Куратор, — отрезала Лена. — Тебе разрешают резвиться на золотом поле, пока ты исправно генерируешь трафик. Но попробуй замереть. Попробуй завтра не вывалить в сеть свою порцию вранья. Система тебя не просто удалит, она тебя сотрет. О тебе забудут через секунду, потому что тебя, Костя, в реальности не существует. Есть только цифровой аватар, который взял твою тушку в краткосрочную аренду.

Она шагнула к нему. Теперь он чувствовал её запах — никакой цветочной химии, только едкий дешевый табак и горечь пережженного кофе. Запах настоящей жизни, которой он так боялся.

— Хочешь увидеть, как ты превратился в эту слизь? Хочешь нащупать точку, где ты свернул в этот тупик?

Костя машинально кивнул, хотя всё его существо вопило от желания сбежать обратно под теплые лампы, в свой уютный мир.

— Тогда скидывай этот клоунский прикид, — Лена брезгливо ткнула в его плечо. — И вырубай свою цифровую соску. Если выдержишь хотя бы час без проверки отметок под своим последним постом, значит, под слоем этого грима еще осталось что-то настоящее.

Костя медленно, словно сдирая кожу, потянул за борт пиджака. Дорогая ткань, которая минуту назад казалась верхом совершенства, на ощупь вдруг стала мертвой синтетикой, вызывающей зуд. Он перевел взгляд на терминал и за-

дрожал. Парень вцепился в гаджет так, что костяшки пальцев побелели. Виртуальная панель в ладони пульсировала теплом, обманчиво живым, напоминающим маленькое хищное сердце, которое билось в унисон с его собственным.

— Час?! — голос парня сорвался на истерический фальцет. — Лена, ты не соображаешь… У меня охваты рухнут! Алгоритм живьем закопает мой аккаунт в подвал выдачи, если я не буду пульсировать каждую минуту! Там инвесторы… Там паства ждет откровений!

— Кто ждет, Костя? — Лена нависла над ним, и её зрачки в тусклом свете качающейся лампочки казались двумя темными точками, высасывающими свет. — Им плевать на тебя. Им нужна очередная доза дешевого дофамина. Ты для них — кубик рафинада. Размешали, выпили и забыли вкус.

Костя посмотрел на панель. На заблокированном виртуальном поле всплывали уведомления: «Ваше видео набирает популярность!», «Crypto Boss прокомментировал ваш пост», «Цена вашего рейтинга выросла на 0.02 %».

Это был его наркоз. Его личный золотой поводок.

Его рука судорожно дернулась, большой палец привычно завис над датчиком, словно намагниченный. Всего одно короткое движение — и он снова в домике, снова в безопасности, снова лощеный Космос, нужный, сияющий, облизанный лайками. В черепе зашумело, как от дешевого вина: «Ну же, просто глянь в щелочку. Один разок. А вдруг там пожар? Вдруг Система уже стирает тебя из реестров, как битый

файл?»

— У меня ломка, — выдавил он, и это были первые живые, не отфильтрованные Магнатом слова за последние годы. — Пальцы зудят, как в чесотке. Кажется, если эта чертова панель погаснет, я ослепну. Насовсем.

— Это не зрение, Костя. Это галлюцинация, — Лена протянула ладонь, жесткую и сухую. — Дай его мне. Или брось на стол панелью вниз. Просто признайся сам себе, что ты до икоты боишься увидеть себя настоящего. Того задохлика, который забился под все эти имена-маски.

Парень перевел взгляд с терминала на Лену, а затем на щербатый пол. В его мозгу столкнулись два мира. Один — приторный, пропитанный дорогим парфюмом и лживыми обещаниями вечного праздника. Другой — этот бетонный гроб, пахнущий плесенью и тупиком. Но в этом подвале была она, препарирующая его взглядом, как энтомолог жука.

— А если я вырублю… и там внутри вообще ничего не окажется? — прошелестел он, чувствуя, как по спине течет пот, а в горле стоит ком. — Если под этой дорогой тканью действительно только дыра? Человек, который не умеет даже шнурки завязать без подсказки в сети?

— Значит, хотя бы узнаем реальный объем катастрофы, — Лена не мигала. — Из куска сырого мяса еще можно попробовать слепить человека. Но из кучи дохлых пикселей — никогда.

Костя зажмурился, словно перед прыжком с обрыва. Па-

лец нащупал кнопку питания. Он почувствовал едва уловимую вибрацию прощания — терминал словно в последний раз лизнул его ладонь ядовитым теплом и затих. Панель погасла, превратившись в безжизненную пластину.

В подвале повисла оглушительная, давящая тишина. Костя почувствовал, как в голове зазвенело: мозг, привыкший к вечному электронному шуму, тщетно пытался поймать хоть какой-то сигнал. Он кожей ощутил, как лопаются невидимые липкие нити, связывавшие его с миллионами жадных чужих глаз. Поводок оборвался. Он остался один на один с реальностью, запертый в этом бетонном мешке без отретушированного лица и социального веса. Просто Костя. Обычный кусок теплого мяса.

— И что… что мне делать теперь? — выдохнул он, и его голос без микрофонов показался ему чужим и дребезжащим.

Он стоял, раскачиваясь, словно с него сняли не пиджак, а скелет. Но затем, собрав остатки человеческого, того, что Магнат не успел выжечь лазером, он почти выкрикнул в лицо Лене:

— Я не хочу быть кормом! Слышишь? Я всё это грохну. Прямо сейчас. Каналы, ботов, этот проклятый аккаунт Космоса со всеми его подписчиками-овцами. Я на стройку пойду, буду бетон мешать лопатой… Но это будет мой пот! И мой, черт возьми, настоящий бетон!

Лена посмотрела на него с горькой жалостью, как на на-

ивного младенца, решившего остановить летящий сапсан голыми ладонями.

— Удалишь? И кем ты станешь, Костя? Для этого мира ты превратишься в пустую страницу с надписью «Ошибка 404». У тебя нет кредитной истории, стерт социальный рейтинг, уничтожен твой цифровой профиль. Ты даже в собственный подъезд не зайдешь, потому что умный замок не опознает твое лицо без фильтров. Чтобы не быть мясом, парень, нужно иметь кожу. А у тебя вместо кожи — битые пиксели.

Она брезгливо ткнула пальцем в его плечо:

— Снимай уже эту чешую. Пора вспомнить, как пахнет твой собственный пот, а не этот корпоративный дезодорант с ароматом успеха.

Костя вцепился в борта пиджака, лихорадочно пытаясь сбросить его, как змея сбрасывает старую, ороговевшую шкуру. Но проклятая синтетическая подкладка словно приварилась к плечам. В панике он резко повернулся и не заметил, как в шве, прямо под левой лопаткой, что-то заклинило. Что-то острое и по-собачьи злое мгновенно впилось в живую плоть.

Боль была внезапной и пронзительной, прошившей его насквозь, от лопатки до самого солнечного сплетения. Он вскрикнул, и его рука непроизвольно метнулась к спине. Это не было электронным сигналом или дежурной вибрацией в кармане. Это была настоящая, чистая боль.

— Полегче, визионер, — Лена шагнула к нему и, не цере-

монясь, по-хозяйски схватила его за шкирку. — Твой успех начал давать сдачу.

Она рванула ткань, и из шва с противным, сухим хрустом вывалилась старая, заржавевшая английская булавка. На ее кончике, в тусклом свете подвальной лампочки, тускло поблескивала крохотная капля густой, почти черной крови. Настоящей человеческой крови. Его собственной.

Костя застыл, не смея пошевелиться. Он уставился на ржавую железяку в пальцах Лены так, словно та выудила из него инопланетный зонд. Боль под лопаткой пульсировала — рваная, настырная, а главное, абсолютно честная.

— Глянь сюда, — Лена ткнула булавкой почти ему в нос. — Это тебе не битый пиксель. Это железо. Гнилое, ржавое железо из прошлого века. Какая-нибудь измочаленная швея в подпольном цехе наживила шов, чтоб этот кофр не развалился до продажи, да так и забыла. А ты три года носил это величие, даже не чуя, как оно в тебя врастает.

Костя прижал ладонь к ране. Под пальцами было горячо и липко.

— Колет… — пробормотал он.

На его лице впервые за годы проступила не выглаженная нейросетью маска, а обычная человеческая гримаса, совместившая в себе тупое страдание и детское удивление. Он смотрел на свои испачканные пальцы.

— Она… она настоящая.

— Добро пожаловать на грешную землю, Костя, — Лена

брезгливо швырнула булавку на бетон.

Короткий металлический звон отозвался в его черепе колокольным набатом.

— Ты почувствовал боль. Значит, ты еще не окончательно замариновался в цифровом соку. Живое мясо чувствует боль, а цифра — нет, она просто выдает ошибку.

Костя наконец содрал с себя пиджак, отшвырнув его в угол, как дохлую змею. Без этой дорогой брони он сразу съежился, стал маленьким и нелепым в своей старой футболке, мятой и застиранной. Больше не было никакого Космоса. Остался просто парень, у которого саднило спину и который медленно истекал кровью в забытом техническом подвале.

— Я… я хочу смыть это, — выдавил он, с ненавистью глядя на свои ладони, которые всё еще отливали тошнотворной кукольной гладкостью.

— Вон там, в углу, корыто, — Лена кивнула на ржавый умывальник. — Вода только холодная. Вместо парфюмерного мыла — хозяйственный щелок. Вонючий, зато отлично разъедает любую фальшь.

Костя шагнул к раковине и крутанул кран, который отозвался натужным, утробным воем, прежде чем выплюнуть струю темной, пахнущей хлоркой воды. Он плеснул в лицо, и от холода легкие мгновенно скрутило спазмом, перехватив дыхание. Парень тер щеки, едва не сдирая кожу, отчаянно пытаясь соскрести этот невидимый слой фальши, который годами накладывали софт и сладкий самообман.

Когда он наконец поднял голову, мир окончательно рухнул. Импланты, лишившись подпитки от терминала, издохли и превратились в обычные куски пластика, застилающие зрачки.

На него смотрела настоящая, не отфильтрованная Системой внешность. Тот самый Костян: с набухшими мешками от недосыпа, неопрятной, клочковатой щетиной и красным воспаленным прыщом на подбородке. Между бровей пролегла глубокая складка, зафиксировавшая след вечной тревоги, которую он прятал под маской успеха.

— Мама дорогая… — хрипло выдохнул он, не узнавая себя. — Кто это?

— Это тот, кого ты втаптывал в грязь каждое утро, едва включал камеру, — Лена стояла за спиной, и ее фигура казалась расколотой в косом преломлении технического стекла. — Ну как тебе реальность, парень? Страшно смотреть на себя без фильтров?

Нет, ему не было страшно. Внутри, под слоем смытого грима, вскипала лютая злость пополам с растерянностью. Костя даже не пытался изобразить подобие улыбки, ведь сейчас любая мимика без цифровой ретуши казалась ему постыдной, обнажающей накопленную годами усталость. Он пялился на свое выцветшее, обветренное лицо и чувствовал, как в груди клокочет глухая, бесполезная ярость. Вся та жизнь, которую он так старательно вылизывал фильтрами, вдруг выплеснулась на него ушатом помоев.

Он сжал кулак и с размаху вмазал по краю облезлого умывальника, но костяшки соскользнули и зацепили мутное зеркало. Оно не разлетелось эффектным дождем осколков, а лишь жалобно звякнуло, и по диагонали, прямо через его лоб и переносицу, поползла кривая, глубокая щель, обнажая ржавый подтек за амальгамой.

— Проклятье… — хрипло выдохнул он.

В суеверном испуге Костя отпрянул, едва не завалившись на спину. Расколотое зеркало в этом бетонном склепе означало край. Его лицо теперь оказалось разрублено надвое: половина взгляда безумно косила в потолок, а вторая сползла куда-то в сторону грязного пола. Это была идеальная иллюстрация его существования — распад, сбой кода, окончательная потеря себя, «Ошибка 404».

Женщина из подвала даже бровью не повела. Она бесстрастно наблюдала, как он баюкает разбитую руку, на которой проступали багровые ссадины.

— Суеверный, значит? — протянула она, и в её голосе впервые прорезалась не привычная издевка, а горькая, тяжелая жалость. — Боишься, что семь лет удачи не видать? Костя, очнись. У тебя удачи не было с того самого дня, как ты впервые соврал в своем профиле ради охватов. Эта трещина вышла не к беде. Она стала единственным способом впустить в твой забитый ватой череп хоть немного света.

Он обернулся к ней, тяжело и хрипло дыша. Его до бешенства доводило её спокойствие, бесило, что она видит его

позор и не отворачивается.

— Что ты понимаешь?! — прошипел он, едва не брызгая слюной. — Сидишь в этом дерьме, называешь меня мясом, но сама-то! Ты же тоже просто Элена! Такая же никчемность, пыль под плинтусом! Зачем ты мне всё это устроила? Хотела, чтобы я сдох здесь от осознания правды?!

Элена шагнула к нему из угла. В тусклом качающемся свете голой лампочки её изможденный силуэт казался жестким и прямым.

— Я устроила? Нет, Костя, — спокойно произнесла она. — Я просто приоткрыла дверь, а ты сам в неё ломанулся. Я позвала тебя, потому что мне стало тошно смотреть, как ты заживо маринуешься в своём золотом кружке. Мне хотелось проверить, остался ли под дорогой тканью живой человек или там функционирует только исправный алгоритм. И знаешь, что? — она указала на его футболку, где под лопаткой расплывалось темное пятно. — Алгоритмы не кровоточат. И зеркала они с досады не бьют. Значит, ты ещё не окончательно безнадёжен.

Она подошла вплотную, нарушая границы его личного пространства, и жестко взяла его за подбородок, заставляя смотреть прямо ей в глаза.

— Ты сейчас бесишься, и это лучшее, что с тобой случилось за годы. Злость — это настоящая, сырая энергия. Не та выдуманная вибрация, о которой ты втирал своим дурочкам, а реальная сила. Используй её. Вспомни тех воротил в

офисах, которые вытравили из тебя человека и научили так складно врать. И почему ты, Костя, до сих пор позволяешь этим кукловодам дергать тебя за нитки через кусок пластика в кармане?

Костя смотрел на неё, и его ярость начала медленно оседать, превращаясь в нечто иное. В тяжелое, как свинец в желудке, осознание того, что берег Системы скрылся в тумане. Он один посреди пугающего океана реальности. И рядом только эта странная, прожженная цинизмом женщина в подвале.

— И что теперь? — спросил он. Его голос больше не давал петуха. Он стал глухим, надтреснутым и тяжелым. — Если я мясо, то где в этой скотобойне выход?

— Выход там же, где и вход, — она отпустила его лицо и махнула рукой в сторону лестницы, уходящей в глухую черноту ночи. — Иди в мир. Но иди голым — без своих линз и без цифровой соски в кармане. Посмотри на них — на тех, кто всё ещё отсвечивает синим из темноты. Глянь, как они сжирают друг друга, даже не чувствуя вкуса крови. И реши, парень, хочешь ли ты снова занять свое место в их меню?

Он стоял посреди подвала, а в голове выл настоящий буран. Костя понимал, что он не академик, не философ, он не сообразит всё и сразу. Ему нужно время, чтобы просто научиться дышать без аппарата искусственного дыхания в виде терминала в кармане. Но одно он знал твердо, со вкусом желчи на языке: назад, в «маринад», пути больше нет.

А впереди была неизвестность — огромная, пугающая и настоящая, о которой стоило бы написать целую книгу. Не про выдуманный успех, а про то, как рождается человек, когда его наконец перестают кормить ложью.

Он развернулся и побрёл прочь. Это великое пробуждение меньше всего напоминало триумф — оно отдавало тяжелым похмельем после десятилетней беспробудной синьки. Костя шёл по ночному городу, и его мир крошился, как гнилой зуб, превращаясь из глянцевого разворота в анатомический театр, где вместо красоты — только вскрытые вены улиц и кости арматуры.

Теперь его зрение было зрением мертвеца, впервые восставшего из цифровой могилы. Он шёл и шёл, а ночной воздух бил его наотмашь по лицу, лишённому защитных фильтров. Без линз реальность обернулась облезлой театральной декорацией, которую давно пора списать в утиль. Фонари больше не разливали магический свет, они просто тускло коптили, безразлично высвечивая язвы трещин в асфальте и рыжую ржавчину, доедающую железные заборы.

В черепе у Костяна гудело, словно там закоротило старую проводку. Слова Лены про мясо бились внутри кости, как жирные мухи в пустой банке. Он никогда не претендовал на звание мыслителя, оставаясь обычным пацаном, который просто хотел нормально жить и не думать о завтрашнем дне. Но внутри что-то безвозвратно лопнуло, и приторная картинка успеха больше не желала склеиваться.

Ноги предательски не держали. Костян огляделся в поисках скамейки, но улицы Сити-2 были демонстративно пусты. Платформа давно ликвидировала любые бесплатные места для отдыха, чтобы обыватели не собирались группами и не разговаривали. Хочешь присесть — иди в коммерческое кафе и плати. Пришлось ковылять до ближайшего павильона остановки.

Он опустился на металлический настил. Рядом стоял парень, чья кожа казалась неестественно белой в синеватом свете терминала. Сосед по остановке листал ленту с такой скоростью, будто искал там смысл жизни, но находил только короткие вспышки чужого триумфа.

— Слышь, друг… — хрипло позвал Костян. — Который час?

Парень даже не поднял головы. Его зрачки, расширенные от дофаминового транса, бешено бегали по виртуальному полю панели. Он присутствовал здесь физически, но его сознание переваривалось сервером где-то на другом конце света.

«Вот оно, — подумал Костян. — Дойка началась!»

Он вдруг отчетливо, до тошноты, разглядел эти невидимые нити. Система не лупила этого бедолагу током и не тащила в кандалах. Она просто кормила его бесплатным пойлом из контента. Костя начал соображать — медленно, натужно, со скрипом старого механизма, который впервые за годы попытался провернуться сам, без привода Магната.

Ничего в этом мире не бывает бесплатно. Если ты не платишь за товар, значит, товар — это ты сам. Твои потроха, твоё время, твои несбывшиеся мечты.

Этот парень на остановке, чьё лицо стекало в синий экран, расплачивался самым дорогим, что есть в жизни. Своими глазами, нервными клетками, своей искренней, жгучей завистью. Платформа превращала его тупое залипание в сухие цифры статистики. Рекламодатель за гроши скупал секунды его единственной жизни. Система жирела на том, что этот падун тратил свои дни впустую, сливая их в бездонную воронку контента. Его жизнь капала в чужой бездонный карман, как нефть из скважины. Это была наглядная, циничная нажива на человеческой никчемности.

Весь Сити-2 спроектировали по принципу бесконечных торговых павильонов, применяя эффект Грюэна. В этих лабиринтах потребления человек мгновенно терял ориентацию во времени и пространстве, превращаясь в послушный, шагающий кошелек.

Костян поднял взгляд на огромную голографическую вывеску. Там, в ореоле фальшивого сияния, красовалась Элена. Она сулила курс по обретению себя, обещая вытащить из болота тех, кого сама же туда и загнала. Костян закрыл лицо ладонями. Пальцы до сих пор пахли въевшимся металлом и настоящей, неотфильтрованной бедой.

— Как же всё просто… — прохрипел он, глядя на темную мостовую.

Сначала Система через тысячи таких глянцевых манекенов, через Космосов и Элен, вбивает человеку в сознание мысль, что он ничтожество. Что его жизнь кислая и скучная, его конура убогая, еда отвратная, а собственное лицо — досадная ошибка природы. Человек начинает корчиться от неполноценности, чувствуя себя отработанным материалом.

И тут же, словно по волшебству, Машина подсовывает ему фальшивое лекарство. Купи курс, купи фильтр, купи статус. Система зарабатывает на обывателе дважды. Сначала она делает его несчастным, а потом втридорога продает ему иллюзию спасения от этого самого несчастья. Грандиозный, всеядный конвейер оболванивания.

А еще Костя медленно врубался в то, что элита вне игры!

Он вспомнил своего Куратора — человека, который владел целой паутиной каналов и миллионами чужих жизней. Магнат никогда не лез в объектив. Он носил простые однотонные вещи без крикливых лейблов и вычурных брендов. У него не было профиля в соцсетях, его вообще не существовало в виртуальном поле.

— Они даже в этой реальности не живут, — прошелестел Костян, сжимая кулаки. — Они её проектируют. Как чертёж скотобойни.

Хозяева жизни не были мясом. Они были фермерами. Они прекрасно знали, что виртуальный рай — это загон для послушного скота, обнесенный фальшивыми декорациями. Сами они жрали настоящую еду, дышали настоящим мор-

ским бризом на палубах своих яхт и общались вживую, глаза в глаза, пока стадо грызло друг другу глотки за лайки и копеечные значки отличия в профиле.

Они делали сознательный выбор. Полная цифровая гигиена! Пока массы тонули в гаджетах, эти люди ценили ментальное здоровье и реальную хватку. Для них карьера, спорт, живая семья и власть были фундаментом, а виртуальные уровни — лишь дешёвой погремушкой для дураков.

Более того, этот процесс кастового разделения они закладывали на поколения вперед. Костя знал, что бенефициары телекоммуникационных гигантов никогда не отдадут своих детей на растерзание нейросетям. В элитных закрытых школах, где учились наследники хозяев жизни, до сих пор правили бумажные книги, а кнопочные аппараты выдавались исключительно для экстренной связи. Пока у обычных подростков на окраинах атрофировались базовые навыки, пока они забывали таблицу умножения, разучивались писать от руки и сгружали обучение на алгоритмы, Платформа планомерно выжигала саму возможность появления новых Ломоносовых, Циолковских или Лобачевских. Многолетний план оцифровки человечества вышел в свою идеальную фазу: малочисленная каста управляющих целенаправленно растила себе смену, превращая остальной мир в послушный, полностью предсказуемый конвейер.

«Различие между хозяевами Системы и одураченной массой давно вышло за рамки обычного материального богат-

ства, — понял Костя. — Главное отличие элиты — это владение реальностью, собственным вниманием и временем, в то время как массы живут в мире арендованных иллюзий. Во-первых, бенефициары Платформы обладают монополией на собственное время и внимание. Они не скроллят ленту в поисках дофаминовых вспышек, их мозг не расфасован по дата-центрам. Пока обыватель заперт в цифровой камере смартфона, кукловоды управляют своими жизнями вживую, сохраняя критическое мышление и автономию разума».

«Во-вторых, это тотальное владение материальным миром против экономики подписок. У серой массы нет ничего своего: жилье, одежда, доступ к чистой воде и даже алгоритмические мнения выдаются им во временное пользование за социальный рейтинг. Стоит овце оступиться — подписку аннулируют. Хозяева же жизни владеют осязаемыми, физическими активами: землей, заводами, серверами и акциями. Сами они едят настоящую, чистую еду, дышат морским воздухом на палубах частных яхт и строят реальные, долгосрочные клановые союзы. Элита целенаправленно удерживает аналоговую хватку и власть, скармливая толпе виртуальный суррогат счастья, чтобы та послушно несла шерсть и не мешала Машине работать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.